

18+

НИКИТА БРАГИН

САНСАРА

ПОЭЗИЯ XXI ВЕКА

НП "ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА"
МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Никита Брагин

Сансара. Поэзия XXI века

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67738709

ISBN 9785794909425

Аннотация

«САНСАРА» – книга стихотворений, целиком посвящённая Индии, древней и современной. Лирический образ великой страны, её богов, героев и самых обычных (но, тем не менее, необыкновенных) людей выписан с натуры: автору пришлось работать в Индии. Богатство образов, нежных и грозных, прекрасных и устрашающих, соприкосновение с высотами духа и тяжестью труда, разнообразие и нестандартность поэтических поисков характеризуют эту книгу.

Содержание

САНСАРА	7
Предисловие автора	7
САНСАРА	15
Посвящение Ганеше	15
«Из бесконечного множества...»	16
«Стою наедине...»	18
Темя земное	19
«Не палитра важна...»	20
«Словно шарик рудракши...»	21
Масляный шарик Кришны	21
Два лика	22
Баньян	23
Перед храмом	24
«Всей силой сознания...»	25
Амрита	25
«Будь я художником...»	26
Танец	27
Рождение	28
Прибой	29
«Алый отблеск на мокром песке...»	30
«Как хороши, как свежи эти миги ...»	31
«В Канчипураме, в магазине шёлковом...»	31
Утром	32

Психея	33
«Щепотка пряности в зелёном листике...»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сансара

Поэзия ХХІ века

Никита Брагин

Благодарности:

НП "ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА"

Директор издательства: Бояринова О.В.

Руководитель проекта: Крючкова А.А.

Редактор: Петрушин В.П.

Вёрстка: Измайлова Т.И.

Обложка: Крушинина В.А.

Книга издаётся в авторской редакции

Возрастной ценз 16+

Печать осуществляется по требованию

Шрифт Serif Ingenue 11 Poetry

ISBN 978-5-7949-0942-5

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА

Издательство

Московской городской организации

Союза писателей России

121069

Россия, Москва

ул. Б. Никитская, дом 50А/5

2-ой этаж, каб. 4

В данной серии издаются книги
авторов, пишущих на русском языке
в XXI веке

Электронная почта: litress@mail.ru

Тел.: + 7 (495) 691-94-51

Будем рады
сотрудничеству с новыми авторами!

© Никита Брагин, 2022

ISBN 978-5-7949-0942-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

САНСАРА

Стихи об Индии

Предисловие автора

Индия, страна сказочных чудес. Индия, страна неисчерпаемых сокровищ. Такой она предстаёт в зачине русской былины:

Как во той во Индии богатой...

Если проследживать долгую историю медленного, прерывистого и извилистого пути познания Индии европейцами, то начинать надо, конечно, с похода Александра Великого. Мужество царя и его верной армии столкнулись тогда с не меньшим мужеством другого царя и другого войска – и непобедимая фаланга впервые узнала силу и гордость воинов-кшатриев. Добавим к этому хтоническую мощь враждебной индийской природы – Александр вошёл в Индию, не догадываясь о скором наступлении сезона дождей. И ещё одно – ученик Аристотеля узнал ошеломляющую правду о существовании иной мудрости, не схожей с эллинской, но и ни в чём ей не уступающей.

С тех пор и доньше Индия, великий континент, огромная и многообразная цивилизация, и привлекала и отвращала

щала европейцев, то восхищавшихся, то ужасавшихся. Океан фантазии разлился вокруг Индии, испарения его влекли и дурманили, вдохновляли и потрясали. В эпоху Древнего Рима шёлк и пряности, рубины и жемчуг плыли на кораблях южной ветви Великого Шёлкового Пути к Средиземноморью. О «слоновой кости и злате индийском» писал Гораций. Сокровища влекли европейцев в Индию.

Но, кроме богатств материальных, было и нечто большее. Ещё в эпоху классической Греции родились легенды о походе Диониса в Индию, а позднее из этих легенд выросла огромная поэма Нонна Панополитанского (V век) «Деяния Диониса», где вновь Индия предстала страной тайн и сокровенной мудрости. Поэма Нонна, созданная уже в раннехристианскую эпоху, была гимном уходящей античности, искавшей бессмертие в соприкосновении с великой, древней и могучей культурой.

Но и начало христианства оказалось накрепко связано с Индией, и связь эта была одновременно и мистической, и реальной. Когда ученики Христа разошлись по разным странам, чтобы проповедовать Новый Завет, апостол Фома отправился на Восток. На купеческом корабле он достиг Южной Индии, и там провёл последние годы своей жизни, и принял там смерть. До нас дошли апокрифические произведения раннего христианства, среди них гностическая поэма «Песнь апостола Иуды Фомы, воспетая им в земле индийской». Апостол рассказывает, как отправил-

ся он на Восток, чтобы найти сокровенную жемчужину, чтобы взять её, «сущую в утробе моря, подле пасти пыхающего Змея» (пер. С. Аверинцева). Он был прельщён яствами Востока, и на время забыл о своём призвании... Но, познав забвение, познав тюрьму, он всё-таки пришёл к своей цели – «и царственным своим устремленьем излилась она на меня всецело и поспешила, как велел ей Даятель, чтобы возмог я принять её в руки; и меня любовь моя подстрекала порывом устремиться ей навстречу». Эта сокровенная жемчужина – духовное сокровище, символ Божественной Премудрости, схожий с понятием Святой Софии.

Вслед за удивительной историей апостола Фомы началось паломничество многих христиан в Индию, происходившее и на закате античности, и в раннее средневековье. Католический собор Святого Фомы в Ченнае (бывший Мадрас) стоит на фундаментах нескольких более древних христианских храмов – самый ранний из известных относится к X веку. Отсюда проистекает красивая средневековая легенда о существовании в Индии великого и справедливого христианского царства, правителем которого является не царь, а священник – легендарный пресвитер Иоанн. Поразительным образом эта легенда воспроизвела одну из важнейших особенностей социального устройства большинства государств древней и средневековой Индии – превосходство священника над царём, брахмана над кшатрием. В более общей форме это означает примат учёности и знания, преимущество муд-

рости над силой, святости над властью. Именно здесь путь к духовности индийской культуры.

В некоторой степени это соответствует русскому тезису «сила в правде». Не власть и богатство, а мудрость и знание. Они важнее для мира духовного. Русский народ упорнее всех других искал правду и мечтал о ней в своих грёзах о Беловодье. Западная Европа между тем всё-таки чаще всего видела в Индии область, где можно обогатиться. Золото, а не мудрость. Яхонты, а не прозрение. Острота пряностей, а не гармония танца. В конечном счёте всё это привело к великим географическим открытиям, в которых Россия не приняла участия (спонтанное и во многом случайное путешествие Афанасия Никитина не стоит учитывать, ведь он почти ничего и не вынес из этого странствия, кроме неумирающей любви к почти что потерянной родине...).

Между тем Европа открыла путь в Индию, и что же? Каравеллы и галеоны, колонизация, внедрение христианства, уже не мирное, как при апостоле Фоме и его последователях, наконец, порабощение страны, давшее повод Чаадаеву наивно утверждать, что у стран Востока (под которыми он разумел в первую очередь Индию и Китай) нет будущего... Но порабощение порабощением, а культура культурой. Как писал Гораций: «*Graecia capta ferum victorem cepit*» (пленённая Греция взяла в плен дикого победителя). Греческая культура осталась жить в Риме и дала новые прекрасные плоды. А Индия?

Культура Индии странна, экзотична, и этим заманчива падким до всего необычного европейцам. Но понятна ли им? Принята ли ими в своей полноте? Вряд ли. Талантливейший Метьюрин почти половину текста своего огромного «Мельмота Скитальца» посвящает Индии, но это лишь привлекающая внимание ширма, яркая театральная декорация, практически не имеющая ничего общего с реальностью. Бодлер в «Цветях зла» и «Стихотворениях в прозе» тоже обращается к Индии – и вновь это лишь экзотический антураж причудливой смеси пряностей, наркотиков, чувственности, ужаса. Ну, хорошо, Метьюрин в Индии не был, Бодлер до Индии не доехал, но Киплинг – он же родился в Индии, он уроженец Бомбея. Пускай так, но в книгах Киплинга Индия опять-таки лишь некая сцена, где борются и побеждают мужественные и умные европейцы, где индийское, коренное существует лишь в виде какого-то красочного сопровождения драмы, вроде огромного холста с изображёнными на нём горами, джунглями, тиграми и туземцами.

Что говорить, если даже великий Гёте, увлекавшийся в юности «Рамаяной», понимал индийскую литературу всего лишь как собрание сказок, причём сказок грубоватых и нуждающихся в отделке! Возможно, лишь подвиг Рабиндраната Тагора, что первым из неевропейцев стал нобелевским лауреатом, отчасти открыл глаза Европе на огромный континент, на его бескрайние просторы, где безмерны и любовь, и страдание. Но век двадцатый обесценивает духовные до-

стижения, и мысль европейская заплутала в современных версиях физического совершенствования, преодоления кармы, и, в конечном счёте, обретения личного благополучия. Но разве это неслла в себе великая Индия?

Россия между тем шла своим путем, вплоть до нового времени продолжая постигать страшные и мудрые образы далёкой страны через наивные средневековые версии повестей о походе Александра, через басни о псоглавцах, о крае света, за которым невесть что. Но в конце XIX века русская мысль тесно соприкоснулась с Индией. Константин Бальмонт, переведя множество древнеиндийских стихов, принёс русскому народу их очарование, причем сделал это бережно, не искажая мелодику и образность далёкой от нас поэзии – и с тех пор индийская литература, как древняя, так и новая, всегда рядом с нами. Она стала особенно хорошо знакома русским читателям в советское время, хотя лишь немногие могли тогда по собственной воле отправиться в дружественную нам страну.

Но ни в предреволюционное, ни в советское время не нашлось русского поэта, который бы принес читателю во всей полноте видение великого континента, как это сделал в своё время Николай Гумилёв, подаривший России образ Африки. Может быть, в прозе Ивана Ефремова выразилась Индия – с большим чувством, даже идеализированно и оттого не совсем полно. Может быть, великая любовь к Индии прозвучала в нескольких стихотворениях Даниила Андреева,

верившего, что в предыдущих воплощениях он жил в Индии – и потому он всю жизнь стремился туда, но попасть, конечно, не мог. А я уверен, что он, если бы побывал в Индии, то при своем таланте, несомненно, создал бы прекрасное собрание стихов.

Я не мистик, не духовидец, как Даниил Андреев, я человек обыкновенный. Но даже самые обычные люди могут быть одухотворены. Так мирно стоящее дерево начинает петь всей кроной своей под напором могучего ветра. На меня же налетели сразу несколько ураганов. Это жажда поэта, не бывшего никогда в стране своей мечты – и я, оказавшись в Индии, смотрел не только своими глазами, но и взором давно ушедшего в лучший мир Даниила Андреева, которого считаю своим учителем в поэзии. Это пример другого поэта, Николая Гумилёва, воспевшего далёкую от России Абиссинию, сделавшего её образы фактом русской культуры. Это мощь великой и древней цивилизации, звучащей сквозь века и тысячелетия со страниц книг. Это образ огромной страны, в которой мне выпало счастье быть – и не праздным туристом, но тружеником.

Я хотел показать Индию так, как увидел её, во всех запомнившихся ипостасях, не скрывая страшных и горестных ликов, но и не забывая под влиянием обыденности о вечных и прекрасных её образах. Вероятно, чтение этой книги не будет лёгким. Но постижение великой страны и не может быть лёгким. И ещё одно – Индия, при всей своей совре-

менности, при стремительном движении на путях прогресса остаётся тайной, прекрасной и сложной, остаётся загадочной и неохватной в своём космосе, в «бескрайних дорогах своих» (Рабиндранат Тагор), в бесконечности своего времени, выраженного на клетках шахматной доски и в исчислении лет Кали-Юги, в божественной премудрости и в человеческом дерзновении.

А напоследок – сколь бы ни была неумолима предопределённость бытия, как бы неисповедимы ни были пути Господни, сколь бы ни было замкнуто колесо рока земного, сансары – есть, помимо всего этого, неизмеримое солнечное счастье жизни, столь зримое именно там, где гранитные лики древних богов смотрят на поющий и сияющий океан, где по ночам горят огромные южные звёзды, а днём невероятной красоты соцветия пламенеют в зелёных кронах могучих деревьев. И мне, человеку грешному и земному, именно это солнечное колесо представилось самым зримым образом великой и прекрасной страны. И потому я и книгу свою назвал – «Сансара».

САНСАРА

Посвящение Ганеше

Ты не похож на Аполлона,
пузатый и слоноволикий,
но именно тебя с поклоном
молили древние поэты
о чистоте и силе слова,
о благородстве языка,
о красоте, любви и вере,
переживающей века.

И мне, познавшему просторы
полей, раздолий и распутий,
мне, видевшему эти горы,
деревни, храмы, водопады,
мне суждено любить и ведать
слезу и океан стихов,
и свой подарок дерзновенный
тебе я поднести готов.

Пусть я из племени чужого,
из обезумевших времён,
где образ и подобье Бога
зомбирован и оскоплён...
Но тем дороже и счастливей
осуществление труда,
как иссушённой зноем ниве
желанная вода.

«Из бесконечного множества...»

Из бесконечного множества
ярких и нежных,
жарких, изысканных,
выберу те лишь соцветия,
что говорят с тобой
тонкими ароматами.

Словно мозаика, сложится
лёгкое кружево,
трепетно, искренне
заговорит оно —
солнечно встречу я
тихую речь его,
словно жатву богатую.

Из беспредельного космоса
стройных, чарующих
песен гармонии
выберу те лишь созвучия,
что достойны любимого голоса —
пусть прозвенят они
хрупкими гранями,
словно по воле случая.
Из непрерывного времени,
что сплетено любовью
в тонкое кружево,
выберу только мгновение
нашей встречи единственной,
музыку твоего имени,
и узел, соединивший
нежность и мужество,
словно ветер и камень,
силой Творения.

«Стою наедине...»

Стою наедине
с незыблемой скалой,
и жду далёкий гром
пылающих столетий!
Вот-вот корунд и кварц
заговорят со мной
священным языком,
прекраснейшим на свете,
способным воплотить
всё лучшее во мне —
смирение, любовь,
познание и веру.
Как снежно-белый шлейф,
летающий на волне,
он захлестнёт меня,
не признавая меры,
и выразит он всё —
и времени шаги,
и тяжесть рудных жил,
и блеск хрустальных граней,
и нежной песни лад,
и на воде круги,
и врезанный в скалу
речитатив преданий.

Темя земное

Темя древней земли выпирает
покатой скалой
в тёмных жилах и трещинах,
каменной скорлупой,
лет ей будет немыслимых три миллиарда!
Стоит остановиться хотя бы на полчаса,
и послушать скрытые в ней голоса
всех, от брахмана до бастарда.

В каждом кристалле,
будь то кварц или циркон,
мерно стелется тонкая ткань времен,
прах потухших вулканов, пыльца пшеницы.
Стоит скалу потрогать – она горяча,
словно священный воск. Этот мир – свеча!
Божий огонь листает летописей страницы...

Всю полноту ощущаешь,
руку на камне держа...
Из глубины исходя, с тобой говорит душа
этой дивной Вселенной, этой плоти и крови,
и мириады пылинок, и мириады звёзд
в сути своей едины,
и Время ищет свой хвост,
словно телёнок ловит сосок коровий.

«Не палитра важна...»

Не палитра важна,
 не изящные абрисы,
а неспешный процесс творения.
Пусть душа раскроется парусом,
расцветая над тернием.

Пусть наполнится парус
 океанским дыханием,
и удержит, и понесёт его,
словно свет мироздания,
берегомый медовыми сотами.

И миры неизведанные,
 как созревшие ягоды —
ты находишь их, радуясь,
в рукавах оживающей радуги —
на ладони твои они падают!

И душа твоя — вся в движении!
Неразлучны игры и таинства —
вьются чувства,
 как птички весенние,
словно змеи, мысли сплетаются.

Между звёздами и пучинами,
между болью и созерцанием
сокровенная, неизъяснимая
жажда творчества, бездна знания.

«Словно шарик рудракши...»

Словно шарик рудракши,
в прозрачную воду упавший,
капля крови на тающем льду...
Словно тёмное пламя
за вечерними облаками
отпускает на небо звезду.

Словно жажда творения
переплавилась в боль и терпение,
и твердеет как ярая медь,
и рождается смыслом и образом,
и твоим воплощается голосом,
и зовёт – пробудись и ответь!

Масляный шарик Кришны

Увидев Кришны шарик масляный
(гранита глыбу на граните),

его раскачиваешь мысленно
планетой на прозрачной нити,
и небосвода хрупкий колокол
вздохнёт ответным гулом бронзовым,
и треснет, рассечённый молнией,
и вспыхнет огненными розами...

А рядом, на гранитной плоскости
(на русской горке ледяной...),
детишки, соревнуясь в ловкости,
разглаживают шар земной.

Два лика

Над пыльной и жаркой площадью
кружат угрюмо стервятники,
и прядают потные лошади,
измучены жадными мухами.
Кругом толпа каждодневная,
а истина – в образе Бога...
Его отражение гневное
знакомо как ужас и смерть.

Землистые руки крестьянина
воловы рога изукрасили,
и в сердце, печалью израненном,
открылись ворота железные,

и Бог, обвиваемый коброю,
глядит, упоённый покоем.
Его отражение доброе
знакомо как свет и любовь.

Баньян

Дерево, ставшее лесом,
семя твоё проросло
в давние детские годы
того, кто стал Просветлённым.
Много дождей отшумело,
много лун отцвело —
крона твоя как небо,
сотни стволов — колонны.

Нет многозначнее символа,
образа нет смелей
для источника моря,
Духа, родившего души,
для единственной пристани
тысячи кораблей,
для водопада зелени
в пожаре великой суши.

Лист пробуждается светом,
и тянется как дитя

к своему родителю – солнцу,
одному для несчетных листьев.
В тихой тени этой кроны
духовный свет обретя,
найдешь единую правду
во множественности истин.

Перед храмом

Вселенную вместила глыба храма,
где в каждом камне стон первопричины,
где лингама иссиня-чёрный мрамор —
вместилище космической пучины,
где сном цветов струятся ароматы,
и чувственны, и девственно-чисты,
где мы с тобой неслыханно богаты
стихом любви на свитке нищеты.

А свиток воплощается в граните,
поднявшемся из лона океана,
и пламенеет в сердце и в зените
сокровище, не знавшее чекана,
и, загораясь охрой и шафраном,
на грудь земли ложатся вечера,
и засыпают кроны и лианы
под россыпью ночного серебра.

«Всей силой сознания...»

Всей силой сознания,
всей музыкой, сердцем слышимой,
прошу подаяния
у Всевышнего.

Прошу, внимаю и чувствую,
что всё свершится,
слова безыскусные
вернутся сторицей,
ведь самое лучшее
ещё не встречено,
а сила Сущего
превыше вечности.
Дай мне терпения
узнать любимую,
хранить творение,
любить творимое.

Амрита

Даже богам не под силу
капли ТВОИ отыскать
в пенных волнах океана!
В них ты от века струилась,

в них ты и ныне течёшь, осиянная
ночью – луны серебром,
 днем – светозарного бога
золотом. Жизнь порождая в воде,
ты в пузырьках этой пены
 и в лужах на торных дорогах,
в каплях дождя и в тумане рассветном, везде,
где расцветает, как лотос,
сердце любимой,
 где птицы и звезды танцуют,
в неумолкающих ритмах
 и ненаглядных красотах,
в миге счастливой слезы и вечности поцелуя.

«Будь я художником...»

Будь я художником,
я стал бы ловить в облаках и горах
неповторимое и невозможное,
объединившее пламя и прах.

Будь мои пальцы
способны чувствовать нежное,
я стал бы скитальцем,
идущим за водами вешними.

Я искал бы образы,

и лучший, один из тысячи,
был бы попросту
в сердце моём высечен.

Будь моё сердце
способно и в старости чувствовать,
я ждал бы за смертью
музыку слов безыскусную.

Чтобы она напела мне,
как тёплым вечером
за облаками белыми
вечность встречена.

Танец

Танец начинается так плавно,
так спокойно, словно на рассвете
листьями шуршит прохладный ветер
по приотворённым ставням,
а вдали, из пепельного моря
тихий свет скользит по тёплым водам —
сонная улыбка небосвода
растекается, и вскоре
всё объято солнечным дыханьем —
ветер и волна, огонь и мрамор
над тобой вздымают своды храма,

всё в порыве созиданья!
Сердце бьётся, сотрясая горы,
плачет небо, наполняя реки,
подземелий каменные веки
отомкнутся скоро!
В круговерти солнце и светила,
звёзды опадают лепестками,
пробуждаются такие силы,
что крошится камень,
и вот-вот... но усьмири дыханье,
чтобы Землю не столкнуть с орбиты,
и укрой своей воздушной дланью
водопады и граниты.
В мирной тишине над колыбелью
заново родившейся Вселенной
пролетает перелив свирельный
вдохновенно.

Рождение

В чреве тёмного моря
 рождается огненный бог,
небо тихо горит,
 пеленая его облаками.
В обретении речи
 со слогом смыкается слог,
в обретении музыки

капли дробятся о камень.

Потрясённо молчишь,
только видишь сквозь мёд и елей
зыбкий призрак челна,
и на нём рыбаков силуэты,
а малиновый купол
растёт всё смелей и светлей,
и вода разгорается,
кровью небесной согрета.

Нет прекрасней мгновений,
но Фауст молчать обречён,
потому что желание – вздор,
а слова – святотатство,
потому что рассвет
разрывает плотины времён,
одаряя тебя на мгновение
высшим богатством.

Прибой

И шумит, и поёт,
и навстречу идёт, голубое,
и опять мы с тобою стоим
по колени в прибое,
тихо за руки взявшись,

и солнечным ветром дыша,
только море и небо в глазах,
только солнце в зените,
только счастье колотится в сердце
и молит – возьмите,
и взлетает, и плачет душа.

В набегающей пене
закружimsя вместе с тобою —
так рыбацкие лодки
танцуют на гребнях прибоя,
и качаются серьги,
и ветер играет косой,
Мы вернемся домой,
ослеплённые бликами света,
оглушённые морем,
и солнечным звоном браслетов,
и весенней красой.

«Алый отблеск на мокром песке...»

Алый отблеск на мокром песке,
словно кровь потекла по руке,
словно тонкая ткань лепестка
облетела с венка...

Бог родился, и кровь полилась,

солнце встало, горя и смеясь.

«Как хороши, как свежи эти миги ...»

Как хороши, как свежи эти миги – е
с крылечка до рассвета пять шагов,
и будущее, как обложка книги
открытая... а ты уже готов
читать запоем, до самозабвения
слова любви сквозь перекличку строк,
и ощущать, как птицы и растения,
что близок срок.

А день восходит грозным все소жжением,
неумолимым, как обряд сати,
и наплывает головокружение,
и смерть на полпути.

«В Канчипураме, в магазине шёлковом...»

В Канчипураме, в магазине шёлковом
Ганеша восседает между полками,
где собраны все краски и узоры

в причудливом дразнящем сочетании,
наверно, заготовленном заранее
для ищущего взора.

Струятся ткани золотом по зелени,
коралловыми пляжами постелены,
раскинуты лугами заливными.
Сияют переливчатые образы,
как будто здесь на загляденье собраны
все радости земные.

Но то не сад земного наслаждения,
а тонкое и нежное плетение
невыразимой солнечной сансары —
такой минутной на ладони Времени,
такой пресветлой во вселенской темени,
что нет дороже дара.

Утром

Словно цвет бугенвиллий,
ласкающий томной прохладой,
руки милой обвили,
и хлынули кос водопады,
и горячие реки
смыкались волна за волной,
и закрытые веки

встречали алеющий зной.

Над тобой, тёмнокудрой,
восток наливается мёдом,
это спелое утро
цветком уронив с небосвода...
Улыбнулись владыки
морей, облаков и земли,
их гранитные лики
нарадоваться не могли.

Всё живое на свете
твоими губами согрето,
в кронах пальмовых ветер
поёт, ожидая ответа...
Где-то плачет и молит
напев океанских валов,
а у нашего поля
степенная поступь волов.

Психея

Движением резца по монолиту,
по грубой плоти красного архея,
ворота во Вселенную открыты,
и ты влетаешь, девочка, Психея!
Тебя зовёт расплавленная глина,

пронизанная охрой кровь Адама,
в огромном, словно сердце исполина,
пространстве храма.

Скрижали стен сияют письменами
о совершенном и о небывалом,
любовью Бога, тварей именами,
звездой-рубином и слезой-опалом!
Лети, душа! Мы не напрасно жили!
Цвети, улыбка, под рубцами старца!
Ты не дала уснуть в остывшей жиле
бесплодным кварцем.

Легки твои невидимые крылья,
а камень твёрже палиц Кауравов,
но вырастает над гранитной пылью
Танцующий во пламени кровавом!
Вращаются небесные светила,
встаёт Кайлаш, клубится высь Памира,
а ты, душа, вспорхнула и вместила
рожденье мира!

«Щепотка пряности в зелёном листике...»

Щепотка пряности в зелёном листике,

с оттенком горечи, со вкусом истины,
внезапно открывающейся нам
на грязной паперти, на шумной улице,
где бродят нищие и квохчут курицы,
где голодно коровам и коням.

Больного города завесу душную
свернув и вытряхнув, смотрю и слушаю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.